

БУДУЩЕЕ У РОССИИ ЕСТЬ

Беседа с Председателем Союза писателей В. Н. Ганичевым

– Валерий Николаевич, вашими предшественниками на посту председателя Союза были Леонид Соболев, Сергей Михалков, Юрий Бондарев. У вас от высоты не захватывало дух?

– Для меня это место служения. У людей моего поколения выработалась потребность служить России. До этого я работал в издательстве “Молодая гвардия”, был главным редактором “Комсомольской правды”, возглавлял журнал “Роман-газета”

– Вам принадлежат слова: “История Союза писателей России – это история сбережения России”. Но вот вопрос, что бережет страну: штык или слово?

– Я не думаю, что тут надо противопоставлять, потому что бывают моменты, когда последнее слово остаётся за штыком, но ведь войско вдохновляется словом.

– Главный редактор журнала “Наш современник” Станислав Куняев в беседе с вами не без волнения говорит: “Разве забудется, как от имени писателей-фронтовиков легендарный 94-летний балтийский моряк Михаил Годенко за мужество и героизм в отстаивании отечественной истории и литературы вручил копию памятного знамени Победы Союзу писателей России и вы коленапреклоненно приняли его.”

Скажите, это был для вас какой-то знак?

– Знаете, это было для нас признанием той позиции, которую мы удерживали и продолжали, в общем, дело наших фронтовиков. Поэтому я стал на колени и поцеловал знамя, как положено по армейскому ритуалу. И это вручение можно отнести к ряду славных дат в истории Союза писателей России.

– Сколько сегодня фронтовиков в писательском строю?

– Их можно пересчитать по пальцам, но мы старались всегда, чтобы писатели-фронтовики были отмечены. В этом году перед 9 мая на встречу в Союз писателей пришли только двое: Михаил Годенко и Владимир Бушин. Юрий Бондарев, Михаил Лобанов, Семён Борзунов – я с ними говорил – в силу обстоятельств и состояния здоровья не смогли прийти.

– Копию знамени Победы фронтовики вручили вам в том числе за оборону Дома Союза писателей России, и оборона эта, думаю, войдёт когда-нибудь в историю, как оборона Дома Павлова в распятом Сталинграде.

– В нашем писательском Доме всегда кипела жизнь, проводились встречи, семинары, чествования юбиляров. Но после развала СССР на дом положили глаз жирные коты нашей жизни: то какие-то коммерческие структуры, то чиновники, решившие что-то отхватить в силу своих властных полномочий.

Однажды сюда вторгся вооружённый отряд во главе с чиновником мэрии, который потребовал здание освободить. Тогда Станислав Куняев сказал: “Покажите документы, на основании которых вы вторгаетесь в наш дом”. Ему

протянули какую-то бумажку, он, не читая, разорвал её и бросил им: “Вон отсюда!” Они оторопели и убрались восвояси. А писатели забаррикадировали окна и двери, в ход пошли стулья и столы. Помню, Василий Белов тогда сказал: “Какое варварство начинается!” И это был не последний приступ и не последний налёт на Союз писателей России. Много посягательств было. Вызывали меня в министерство культуры и увещевали, что здание надо уступить.

– *Во имя чего?! Это сродни тому, как отбирали церкви и монастыри. Союз писателей России славен многими людьми, здесь даже воздух в здании намолен!*

– Нечего греха таить, многие из тех, кто так упорно добивался, чтобы нас отсюда выселили, уже уехали за границу: кто в Израиль, кто в Германию, кто в США.

Я обращался к святейшему патриарху Алексию II, и он написал письмо в нашу защиту. Потом и новый патриарх Кирилл нас поддержал. С нами было доброе высокое слово двух духовных пастырей России, и это слово превозмогло силы ополчившихся на нас.

– *Русская культура в мировой истории представлена великими и признанными именами, и меня всегда коробило, когда министерство культуры возглавляли люди, далёкие от искусства.*

– Знаете, я прожил большую жизнь, мне уже за 80 лет, и я видел, что не только в министерстве культуры, но даже во главе страны стояли люди, которые не соответствовали своему назначению.

– *Вам принадлежат слова: “Можно как угодно относиться к эпохе всемогущего флорентийского олигарха Медичи, но даже и олигарх, если он является частью своего народа, предпочтёт иметь дело с лучшим национальным художником Микеланджело, а не с каким-то примитивным дельцом”.*

Вопрос: судя по тому, что Союз писателей сегодня бедствует, в России таких олигархов нет?

– Их до безобразия мало. Они очень далеки от страны. Кто-то нас поддерживает, и я им очень благодарен, но боюсь называть имена, потому что, может быть, им это навредит. Сегодня безопасней давать деньги на футбол или на шоу, чем поддерживать духовные своды страны. Необходимые средства мы вынуждены собирать всем миром.

– *Ваши слова бьют не в бровь, а в глаз: “Был у нас когда-то и голодомор, и война. Было так, что картофелину делили на троих, а сапоги носили на четверых. Но – не вымирали. А сегодня, пока мы будем надеяться на нефтяную или газовую трубу, на нацпроекты, не затрагивающие главного – качества нашей духовной жизни, – Россия не будет иметь будущего”. Скажите откровенно, на ваш взгляд, есть у России будущее? Мне всё больше кажется, что нет.*

– Будущее у России есть, но не в таком, конечно, уродливом виде, как сейчас. Сейчас, по-моему, остался один фактор, который держит в единстве наш народ, – это великая Победа, 70 лет которой мы только что отмечали. И я скажу, что это самый важный фактор единения страны. “Бессмертный полк” своим грандиозным маршем это показал.

Качество духовной жизни составляется из веры, когда она является внутренним содержанием, а дальше идут культура и слово, почерпнутое не из словаря Элочки-Людоедки, а из языка Пушкина и Достоевского, Тургенева и Толстого, Чехова и Блока, Шолохова и Твардовского.

– *А из социальной справедливости качество духовной жизни составляется?*

– Обязательно, конечно, составляется. И это не только вопрос социализма, а вопрос трезвого ума и сердца.

– *Вам сказочно везло на встречи с людьми знаковыми: тут и маршал Жуков, и Гагарин, и Шолохов. Это всё государствообразующие имена. Приведу ваши слова: “Помню хорошую шутку Гагарина. Летели мы на не очень большом самолёте. На первых сидениях – Гагарин с Павловым (это секретарь ЦК ВЛКСМ), за ними сидел я. И тут, смотрю, стюардессы вокруг меня стали виться, столики свои подкатывают, все яства предлагают. Оказалось, они сначала, конечно, к Гагарину, понятно – кумир всей планеты. А он им: “Да ладно, девушки, что я! Вот за мной человек сидит, видите? На Луну готовится! Первым полетит!”*

Вопрос: Каким вам запомнился Юрий Гагарин, какими штрихами можно набросать его портрет?

– Я думаю, что это в каком-то смысле ещё недосыгаемо. Вот когда мы были у скульптора Сергея Конёнкова, он назвал Гагарина небожителем. Вот это ёмкая, простая формула. Конечно, это человек, который уже ушёл в века, и он, слава Богу, стал нашей опорой. Это живой весёлый человек и в то же время человек духовный. В 1965 году, прошу запомнить дату, в 1965 году, только что ушёл Хрущёв, не где-нибудь на кухне, а на пленуме ЦК ВЛКСМ Гагарин заявил, что надо восстановить храм Христа Спасителя, потому что он поставлен в честь победы над Наполеоном. И этот первый призыв к восстановлению храма прозвучал из уст Гагарина. Вот каким он был!

– Приведу фрагмент вашей беседы с маршалом Жуковым. На ваш вопрос: “Почему мы всё же победили?” – военачальник отвечал: “Действительно, почему? Немецкие генералы – лучшие. Мы у них учились. Прусские офицеры – военная кость, отборная каста. Немецкий солдат уже несколько лет приучен был воевать и побеждать... Но мы победили потому, что у нас был идейный духовный солдат”. На ваш взгляд, контрактная армия, которая сегодня формируется или сформирована, может быть идейной и духовной?

– Жуков был, как вы знаете, очень осторожен в формулировках, но ответил он именно так. А сегодняшняя армия, по-видимому, требует контракта, потому что на вооружении стоит высокотехнологичное оружие, и призывник не в состоянии всем овладеть. Но в то же время необходимо, чтобы призыв в армию сохранился и на службу призывали. Это обязанность каждого гражданина страны.

– *Икона мировой литературы – Шолохов. Ваши встречи, ваши впечатления?*

– Вы знаете, это, конечно, образное слово – икона, но сам Шолохов иконой не хотел быть, не хотел быть идолом и человеком для подражания.

Я знал его с 1967 года, бывал у него дома десятки раз, и никогда не возникало впечатления монументальности. Это было распахнутое поле. Сплав простоты и мудрости. Это отметил и Василий Шукшин. За десять дней до своей гибели он приезжал к нему после съёмки фильма и потом мне говорил: “Меня поразило Шолохов. Это мудрец, великий мудрец, и как видит зорко!”

Шолохов многогранен. Я уже не говорю, что это гений и создатель лучшего романа XX века.

– *Вы историк по образованию, доктор исторических наук. Как вы оцениваете роль Петра I в истории России?*

– Я лично считаю роль Петра I положительной при всех издержках и при том, что он всё делал через колено.

– *Замшелых бояр Пётр I учил уму-разуму, молодёжь отправлял учиться за границу, сам облачился в фартук, взял в руки плотницкий топор и стал прорубать окно в Европу. А сегодня это окно заложили мешками с песком и превратили в амбразуру.*

– А что нам перенимать сегодня у Европы – гомосексуализм и однополые браки?

– Я думаю, по этим вопросам мы можем фору дать Европе. У нас своих гомосексуалистов хоть отбавляй и голубое лобби существует, только это всё не на виду, а разреши им проводить парады, и под радужные знамена стекутся тысячи, десятки тысяч человек. И хрен с ними, мне до них нет дела. Угрозу для страны представляют социальная несправедливость, ложь, бюрократия, коррупция, засилье оборотней, осуждение невиновных людей, вынесение неправосудных приговоров... В трясине этой вязнет вся страна.

– Грехи наши, конечно, надо изживать. Грехи у нас есть, их много. И бахвальства тут не может быть никакого. Никогда Россия себя от всего мира не отгораживала. Русский человек – это всечеловек, как говорил Достоевский. Но Европа – это Европа, а мы – это мы. У нас есть своя сущность, своя вера, своя история, своя культура, и нам из этого надо исходить.

– *“Слово о полку Игореве” называют памятником русской литературы, но мне кажется, что это не памятник, а кодовое послание, глас вопиющего в пустыне, который дошёл до нас через века и свидетельствует о невозмож-*

ности русского объединения или о возможности такового лишь тогда, когда уже земля развзрзается под ногами. Спросите у любого, кто служил в армии, и он подтвердит, что у них в роте десять кавказцев объединялись и верховодили сотней разрозненных русских. И это не потому, что русские малодушны, а потому, думаю, что не русское, а российское преобладает у народа, он себя воспринимает некой глиной, которой лепится и крепится страна. Вы, видный представитель русской партии в России, что вы на это скажете?

— Мы думали об этом и раньше, когда у нас были какие-то попытки соединиться, а соединения русских людей не произошло. Гоголь в своё время отмечал, что на Руси любое дело должно получить одобрение Церкви. И вот Всемирный Русский Народный Собор, главой которого является Патриарх Московский и всея Руси, объединил людей. Он образовался в 1993 году, а уже на следующий год под эгидой Собора в Свято-Даниловом монастыре собрались представители 25 партий, и это было крайне важно для страны после того, как общество было расколото событиями 1993 года.

Собор всегда в истории России играл значительную роль, и сегодня эта роль будет только возрастать. Я в этом убеждён.

— Вы скромно умалчиваете о своей роли, между тем в дни проведения Всемирного Русского Народного Собора занимаете место рядом с Патриархом. Патриарх Русской Православной Церкви и патриарх литературы... В этом скрыт какой-то смысл.

— Вы знаете, кто-то уходил, кого-то уходили, а я, наверно, единственный, кто с первых дней существования Собора до настоящего времени был и остаюсь заместителем его главы. Более того, соучредителями Русского Народного Собора стали Православная Церковь, Союз писателей России и журнал “Роман-газета”, главным редактором которого я был. При этом Патриарх всегда подчёркивал, что Собор — это общественная, а не церковная организация. И вот со дня формирования Собора, мне, я думаю, выпала честь быть заместителем его главы.

— В книге “Росс непобедимый” вы себя проявили в органичном сочетании историка и художника. Книга это заняла по праву свою нишу в отечественной литературе. Можно назвать её вашей главной книгой?

— Я бы, скорее, назвал её ключевой в моём творчестве. Впрочем, как и роман “Флотоводец”. Работая над ними, я глубоко изучил XVIII век, и с этого потом пошло создание других произведений. Вот так бы я ответил на ваш вопрос.

— Идея о канонизации адмирала Ушакова принадлежит вам?

— Наверно, эта идея носилась в воздухе, а я первым высказался об этом в письме к Патриарху. Оно было написано в 1995 году. До этого долго, больше четверти века я работал над образом Ушакова, изучал его во всех проявлениях и ипостасях и пришёл к выводу, что это подвижник веры. Он закончил свою жизнь в келье Санакарского монастыря, раздав свои богатства солдатам и инвалидам, “сырым, бедным и убогим”, как писал один из епархиальных владык. Помимо этого, оказывал помощь вдовам офицеров, выделял деньги на строительство госпиталей. Я говорил с монахами монастыря, и они меня укрепили в моих мыслях.

В 2000 году Синод и Патриарх приняли решение прославить в чине святого Русской Православной Церкви адмирала Фёдора Ушакова. И сегодня Санакарский монастырь — единственное место в мире, где покоятся мощи святого “в погонах”, хотя не за погоны возводили его в ранг святых.

Не все знают, но мощи Ушакова обладают целительной силой. Об этом говорил настоятель монастыря. И что особенно удивительно, помогают женщинам, страдающим бесплодием. Это даже трудно себе представить, почему, как, но это Святая сила. Адмирал ведь в браке никогда не состоял, у него не было семьи, не было детей, но поклонение его мощам избавляет женщин от бесплодия. И это, конечно, чудо.

— Вашу книгу “Росс непобедимый” я читал в трудных обстоятельствах. Я был незаконно осуждён по сфабрикованному от начала до конца делу. Мне было страшно горько, солнце не светило для меня в самый знойный день, но я хорошо помню живительную силу вашей книги. Вы знали, что книга бу-

дет этой силой обладать или тут уместно вспомнить Тютчева: “Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...”?

– Правда тут за Фёдором Ивановичем Тютчевым. Я работал над книгой с 1981-го по 1987 год, вкладывал душу, ведь писал действительно о человеке необыкновенном, но я не знал, как отнесутся к ней и как примут книгу.

– *Два слова о своей семье, Валерий Николаевич.*

– Мне, конечно, повезло с семьёй. Была жена Светлана, моя Света, мне казалось, что она будет всегда, а сейчас, когда она умерла, я не верю, что такая красота была со мной... Да нет, я не хочу про Свету говорить, не могу, не буду.

– *А про Марину, дочку вашу, про неё грех не сказать.*

– Про Маришку можно. Это любимая дочь. Она мой соратник, мой друг, мой товарищ. Она окончила, как и я, исторический факультет университета и, может, мы не представляем какой-то богатый клан, но нас знают в России. Мы несли служение ей и не помышляли о наживе.

– *Зря вы прибедняетесь, Валерий Николаевич. Вы сколотили состояние, над которым не дрожат, ибо сказано: ни моль, ни ржа не истребляют, ни вор сокровище такого рода не крадёт. Спасибо вам за ваше делание и спасибо за беседу.*

Беседу вёл Владимир Смирнов